

Олег Фурсин

Победитель Чумы.

<https://litres.ru/74232037>

SelfPub; 2026

Аннотация

Собирая материалы для написания книги о братьях Орловых (предварительное название «Птенцы степной орлицы»), обнаружили, что материалам этим - от реальных документов эпохи до мифов и легенд - конца и края нет. И приняли решение - не укладывать их в «стол», а представить в виде небольших рассказов и повестей, правда, нам ещё неизвестно, войдут ли они в книгу.

Григорий Орлов, наш герой, который по-орловски лихо ворвался в эпоху, и по-гамлетовски трагично закончил свою жизнь, предстаёт в повести «Победитель Чумы» истинным героем, возглавившим сражение и поставившим точку в нём. Но один в поле не воин, как известно, и у него, как у каждого воина, были соратники. Нельзя было не рассказать о них! Удивительные люди, каждый сам по себе - легенда. Ткань истории прядётся людьми. Каждый вносит свою лепту, так или иначе. Вот когда «иначе» - есть, что вспомнить. Есть кому поклониться, кому слово недоброе, а то и проклятие сквозь века отослать. О ком посожалеть...

Содержание

Предисловие.	4
Пролог.	6
Глава 1. Кипучий лентяй.	16
Конец ознакомительного фрагмента.	17

Олег Фурсин

Победитель Чумы.

Предисловие.

Графу Олегу Михайловичу Данкиру (Кирмасову) - посвящается. С глубоким уважением и благодарностью за то, что привёл меня в российское дворянство, утвердил в стремлении быть достойной истории и памяти великих предков. Дворянское звание - не привилегия, а обязанность и ежедневный тяжкий труд на благо Веры, Царя и Отечества... и лишь потом - на благо Семьи и Себя. Многая Вам лета, Ваше сиятельство! Собирая материалы для написания книги о братьях Орловых (предварительное название «Птенцы степной орлицы»), обнаружили, что материалам этим - от реальных документов эпохи до мифов и легенд - конца и края нет. И приняли решение - не укладывать их в «стол», а представить в виде небольших рассказов и повестей, правда, нам ещё неизвестно, войдут ли они в книгу. Григорий Орлов, наш герой, который по-орловски лихо ворвался в эпоху, и по-гамлетовски трагично закончил свою жизнь, предстаёт в повести «Победитель Чумы» истинным героем, возглавившим сражение и по-

ставившим точку в нём. Но один в поле не воин, как известно, и у него, как у каждого воина, были соратники. Нельзя было не рассказать о них! Удивительные люди, каждый сам по себе - легенда. Ткань истории прядётся людьми. Каждый вносит свою лепту, так или иначе. Вот когда «иначе» - есть, что вспомнить. Есть кому поклониться, кому слово недоброе, а то и проклятие сквозь века отослать. О ком посожалеть...

Пролог.

Чума - ужасная гостья. Так и хочется длинно поговорить об её эгалитарности, поумничать о Божьей каре и иных её причинах. Дай человеку порассуждать о чём-либо - многое о нём, а может, и о себе, - поймёшь. Но больно страшна тема, и человеческая трагедия за ней. Не в этот раз, право, когда душа ещё потрясена изысканиями о чуме. О том человеческом горе, которое обрушилось на град Москву в восемнадцатом веке, в правление Екатерины Второй. Мы другие, страна другая, Москва другая. Но - своя, как и тогда. О своём душа иначе болит, кто бы что об этом не говорил...

Третий год полыхала огнём война... Стояли против русских в строю турки, а двигали турками на поле великие державы. Самая жизненная игра, придуманная человеком, - это шахматы. Фигуры королей и королев, и прочих высоких (и не очень) фигур, передвигают руки и мысль игрока. Россия играет сама своими фигурами. Может, и худо играет иногда, но она - и игрок, и фигура. На том стоит, а коль и передумает иногда, не дай Господи, - столько бед натворит, дойдет до такого края, что самой страшно станет. До сих пор Божьим соизволением разворачивалась, и прочь от той пропасти ухо-

дила. Воззри, Господи! Спаси и сохрани!

В ту войну во главе и без того русских по духу войск стояли Пётр Румянцев, Александр Суворов, Михаил Кутузов... И турки отступали. Бросали поля сражений, крепости и города. Их занимали русские. Брали в плен солдат противника и жителей, касались чужих вещей, ели чужую еду. А в полях и пригородах неприбранными лежали поруганные человеческие тела. Сбрасывали также тела в реки и водоёмы - чтоб не осквернять глаз зрелищем непотребным. Размножились, раздобрели крысы. Округлились коты и кошки. Собаки тоже потеряли страх человеческий, и огрызались на человеческое... мясо!

Раньше всего в стане турецком вспыхнула чума. Известно, в стане победителей всегда меньше больных, и быстрее выздоравливают солдаты. Туда же, где уже беда, следующая беда приходит вдвое быстрее. Что там было, на турецкой стороне, пусть турки и вспомнят. А на нашей...

В Яссах, в городе, что стоит на семи холмах, как и Москва, у реки Жижи́я, началось для нас это.

Несколько солдат, что в силу разных причин оказались в госпитале корпуса генерала Штофельна (1), заболели непонятною горячкой. И стали умирать они, а вослед - их товарищи...

В паху чаще, а иногда в других местах, появлялись у солдат опухоли, величиной с яблоко или яйцо. Распространялись, а потом на руках, бёдрах и иных местах недуг менял-

ся на чёрные и багровые пятна. И до смертушки солдатской оставалось от силы дня три потом. В горячке и бреду умирали. Госпиталь не был закрыт для дружеских посиделок больных и здоровых. Доброжелатели с подношениями были частыми гостями. Стали болеть в полку - в одном, другом... Генерал Штофельн позвал к себе докторов. - Гнилая горячка, - сказал один. Он был архиатром (2), и ведал делами госпиталя, в отличие от полковых коллег, и считал себя здешним медицинским главою. Самая военная болезнь. Где солдат - там вошь, где вошь - там и горячка. Второй из докторов, трудыга, что называется, от сохи, выученик Госпитальной школы (3), не имевший докторского звания, - просто лекарь, - сказал непонятно:

- Блох много ещё. Кроме вшей.

- Согласен с Вами, Петер Христофорович, - сказал другой, кругленький немец, любитель соглашаться, адресуя свое подчеркнутое согласие не лекарю, конечно, а своему уважаемому собрату. Он всё ещё пыхтел, вызван был издалека, и очень недоволен тем обстоятельством, что шёл пешком. - Признаки разнятся несколько, конечно, но тут всё иначе, в южных странах. Люди другие, болезни... другие несколько. Природа нездоровая... жарко. Штофельн воззрился на него с удивлением. - Не очень и жарко, хоть весна, - сказал он. - В Карасубазаре (4) жарче было, но чёрной такой смерти не было при мне... хоть пела о ней татарва в песнях. Чтоб в пятнах умирать - не было. Вши были, жара была, Гнилое (5) море

рядом тоже. Да и блохи были тоже, вы это о чём? Что мне ваши блохи да вши? Немец молчал.

Ещё один доктор, то ли немец, то ли финн, глубокомысленно отметил:

- Думать надо. Надо наблюдать. Потогонное даем. Клистиры ставим. Кровь отворяем. Припарки ставим, а как созреют наросты, вскрываем, гной выпускаем. Посмотрим. Штофельн стал проявлять признаки раздражения. "Думайте, мать вашу!", - по-солдатски чётко выкрикнул он про себя, но вслух произнёс:

- Долго смотреть-то будем, господа медикусы? У меня солдатики как мухи мрут. Не спят, бредят, при ходьбе шатаются. Это ли хорошо? А коли кашель начался, кровью харкают! А иных тошнит, да и вырывают принятое, и слабые, яко котята новорожденные... Других озноб трясёт, смотреть страшно, хоть к кровати вяжи их! Это как, я вас спрашиваю! Абсолютно бескорыстный, любящий солдатиков своих, настоящий отец для них - генерал Штофельн, однако, был очень жесток с другими. Сама императрица пеняла ему на жестокость... Он выжег город Браилов (6), и до двухсот шестидесяти селений по Дунаю, опустошил Дунай от Прута до Ольты. Но солдат любил - как детей, и было понятно, что доктора могут попасть под его яростный гнев прямо сейчас. Если не поторопятся.

- А по мне, это моровая язва (7), заговорил снова лекарь. Сыпал словами - боялся, что остановят. - Самому сказать

страшно, но так это. В паху наросты буграми. Да подмышками, или уж на шее. Кашлять позже начинают, да и не все, иные раньше умрут. Моровая язва, чёрная смерть. Я уж курить вокруг начал - полынью да огуречной травой. Уксуса бы мне, всё вокруг оттирать! Я уж у лавочников местных скисшее вино вытребовал, да они теперь ценят как лучшее! Бери, говорят, раз нужно, да плати. Раз тебе нужно, бери по нашей цене! Закрывать надо город. Если выйдет за пределы, так несдобровать городам и весям, всей России. Закрывать надо! Странно, но на лицах остальных докторов было написано, помимо ужаса, ещё и ... понимание. Но опомнившийся архиатр стал руками махать, ногами топтать. И вовсе отвернулся от лекаря! Что настоящего полоумного слушать...

И начался было спор, полный всякого рода терминов, и оскорблений, слегка прикрытых дымной вуалью приличий, но Штофельн прервал учёных людишек гневной тирадой:

- Ну всё, наслушался этакого всякого! Про вшей и блох, подумать только, о чём! толкуют, а вылечить солдата не умеют! С пятнами горячка? Пиши, который тут главный, докладывай архиатру вашему в столицу, да пиши - гнилая горячка с пятнами, и я о том же в Санкт-Петербург отпишу! Полки за город выведу, на бивуаки, сам тут с ближними останусь. Мне тут сидеть надо, раз генералом зовусь. Нет моровой язвы никакой, и не бывало, и не будет. Идите в госпиталь, лечите, коль умеете. До чтоб через две недели и вспомнить было не о чем...

Потом взглянул на докторов сурово. Но тут припомнил двух греческих докторов, которые сбежали наемники Бог весть куда, и придал взгляду некоторую благосклонную ... нежность.

- Выполняйте! да старайтесь мне! Правда, при этом помянул про себя мать, на сей раз греческую. Он послал за греками казаков, с приказом вздернуть на первом попавшемся кривом дереве(а тут, на юге, они все кривые, считал Штофельн, не терпевший предательства и не склонный уважать красоты). Штофельн покинул учёное собрание, а довольно скоро покинул и этот мир, став жертвой собственных решений... А чума потекла ручейком в Россию, речкой по порогам поскакала, в полноводную реку обратилась. И однажды обрушилась разгневанная, вышедшая из берегов Чума-река на Москву. Всякий град большой - прообраз Башни Вавилонской: есть что сокрушить... И чума - сокрушила! Ничего героического не сделал лекарь, что не подписал бумагу в Петербург, с выводами о гнилой горячке. Просто не подписал, большего не смог, а его и не просили - подписывать, раз не хочет. Так и остался в истории лишь одним, кто отказался. Имени не оставил - потому что большего не смог...

Авторы приносят извинения за большое количество сносок. Как оказалось, оба любят их с детских лет! Оба утверждают, что ещё в детстве получали из них сведения исторические, иногда больше и глубже,

чем в учебниках, которые грешили умолчаниями и искажениями. Если не считать английских и иных переводов (шлите свои замечания, владеющие языком, Гугл-переводы часто грешат стилистическими и прочими ошибками), можно сносить и не читать, смысл не потеряется. А нам - приятно!

1. Христофор Фёдорович фон Штофельн (1720 — 1770) — русский генерал-поручик, участник русско-турецкой (1735—1739), русско-шведской (1741—1743), Семилетней и русско-турецкой (1768—1774) войн.

2. Доктора ежемесячно рапортовали (с 1716) архиатру (главному медику государства) о числе больных и умерших и о болезнях. Должность главного медика была введена ещё при Петре I. Соответственно, на местах врачи, обличённые административной властью, также могли именоваться архиатрами.

3. Врачей в России традиционно называли докторами. Это обусловлено тем, что большинство иностранных медиков, приезжавших в Россию, имели степень доктора медицины, полученную в европейских университетах. На докторские должности назначались иностранцы, представлявшие, как правило, рекомендательные письма от монархов своих государств. Они подвергались экзамену в Аптекарском приказе, позднее — в Медицинской канцелярии, и только после этого вступали в должность. Не все иностранные доктора выдерживали экзамен. Но в этих случаях они обычно не уезжа-

ли, а прельщенные высоким окладом, оставались на лекарских должностях. В 1715 был издан указ о том, что доктора, занимавшие лекарские должности, впредь обязаны именоваться не по степени, а по должности — лекарями. Лекарями звались также российские врачи, закончившие Госпитальные школы, не имевшие докторской степени. Во времена Екатерины, пока ещё докторские степени не защищались в российских университетах, а преимущественно немецкие доктора пользовались уважением, на лекарей их европейские коллеги смотрели весьма и весьма сверху вниз.

4. Ныне Белогорск в Крыму. Исконное название города - Карасубазар (изменённое после депортации крымских татар), в переводе с крымскотатарского означает «рынок на Карасу». Карасу - небольшая река, на которой расположен город. Её название дословно переводится на русский как «чёрная вода» (qara - чёрный, suv - вода), в тюркских языках так называют реки, начинающиеся выступающими из-под земли родниками (в отличие от aq suv - белой воды -текущей с горных ледников). Штофельн служил в этих местах.

5. Сиваш, или Гнилое море (крымскотат. Sıva, ;r;k De;iz, Сываш, Чюрюк Денъиз) — залив на западе Азовского моря. Сиваш отделяет Крымский полуостров от материка. Сиваш является нарицательным географическим названием со значением «мелководный залив, временами заливаемая впадина». Название озера выводится из тюркских языков. Сравнивается с турецким sıvas «пачкаться, мараться, липкий». Вто-

рое наименование водоёма «Гнилое море» является местным названием и дано из-за гнилого запаха. Ещё в I веке н. э. географ Страбон упоминал Сиваш как озеро Сапро в значении «гнилое».

6. В Турецкую кампанию 1769 года, перейдя Прут, Штофельн наблюдал неприятеля со стороны Бендер. Удерживал и распространял завоевания в Валахии и Молдавии, управление которой ему было поручено. Зимой, имея главную квартиру в Яссах, Штофельн, по приказанию Румянцева, занял сильными отрядами Фальчи, Галац и Бухарест и намеревался двинуться к Браилову (обладание этой крепостью обеспечивало бы на зимнее время безопасность передовых войск в Молдавии), но вынужден был изменить свой план и направиться к Фокшанам, чтобы воспрепятствовать туркам переправляться за Прут. Победа, одержанная генерал-майорами И. М. Подгоричани и Г. А. Потемкиным над соединёнными силами Абда-паши и Сулеймана-аги при Фокшанах (3 и 4 января 1770 года), позволила Штофельну двинуть войска к Браилову, который сверх ожидания оказался сильно укрепленным. Отбив вылазку турок и чувствуя большой недостаток в осадной артиллерии и людях, Штофельн выжег город и до 260 селений, расположенных по Дунаю, а сам направился к Бухаресту, угрожаемому неприятелем со стороны Журжи. Взяв приступом Журжу (4 февраля 1770 года) и опустошив все пространство по Дунаю от Прута до Ольты, Штофельн отступил к Бухаресту, жители которого устроили

ему торжественную встречу и в знак благодарности поднесли 1000 червонцев. Штофельн отказался принять эти деньги и по его совету они были употреблены на госпиталь и раненых под Бухарестом и Журжей. Появление в Молдавии и Валахии весной 1770 году моровой язвы заставило Штофельна, в видах предосторожности, вывести войска из городов в лагери, сам же он, придавая большое значение своему пребыванию в Яссах, оставался в городе, где вскоре пал жертвой ещё не прекратившейся заразы.

7. «Моровая язва» — устаревший термин, который в историческом контексте чаще ассоциируется с чумой. Слово «моровая» происходит от древнерусского «мор», что в первоначальном смысле означало смерть, гибель или бедствие. «Язва» указывает на заболевание или рану. Таким образом, «моровая язва» можно понимать как «смертельное, разрушительное заболевание». В широком смысле этот термин использовался для обозначения особо тяжёлых эпидемиологических кризисов, когда заболеваемость и смертность достигали катастрофических масштабов.

Глава 1. Кипучий лентяй.

- Параш

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.